

ДИНАСТИЯ

В детях никогда не было зла

Отец: Воспитание — это крылья для человека. Если нет воспитания, — нет крыльев. Тогда дети идут на дискотеки, начинают пить, колотиться, и им очень "клево и прикольно". На углу у Никитских ворот продают наркотики. Но с торговцами ничего не делают. Происходит растление нации... Запомнилось, как в деревне под Владимиром старушка объясняла внуку: "От рождения за левым плечом у ребенка стоит черт, а за правым — ангел. Когда добрые дела делаешь — черт плачет и зубами скрежещет, а ангел радуется. Надо жизнь прожить так, чтобы бесенок плакал, а ангел радовался". Дело отца и матери — дать ребенку понятие добра и зла. Прежде всего ребенок должен знать, что такое хорошо, что такое плохо. Как это ни банально звучало раньше, сейчас это начало начал. Когда сын берет со стола зеленое яблоко, а мать или отец ударяют его по руке — это не потому, что им жалко яблока. Они знают: зеленое яблоко может быть плохо для его животика. Родитель должен быть строгий и добрый. Он должен карать за сделанное зло и поощрять всеми силами рост добра. В моих детях никогда не было зла. Они при мне не ссорились. Когда мне не нравились какие-то их работы и поступки, я не наказывал, а говорил об этом. После 20 лет в жизнь детей родители не должны вмешиваться. Но должны оставлять за собой силу морального влияния. Я не имею права сказать взрослой дочери: не люби Колю, а люби Васю. Жениться или что-то делать я не мешаю. Я старался увлечь их высокими примерами духа из истории и жизни. Маленьких родители обязаны воспитывать: любить ближнего как самого себя (все дети Божьи, все равны перед Богом, но друг перед другом не равны). Я никогда не позволял себе ударить провинившегося ребенка по лицу...

Сын: С сестрой мы ссорились, как все дети. Идеальных детей не бывает. Меня могли наказывать, если со взрослыми не так что-то сказал или язык показал где не надо. Родители нас никогда не били. Папа ругал (хотя каких-то особых случаев я не помню). Мама была мягче. Иногда, если мы провинимся, нам не объясняли это специально, а могли сделать так, чтобы мы сами поняли. А что наказывали — правильно делали. Я думаю, дети должны быть друзьями родителей. И строго наказывать, тем более бить детей отец как мужчина и глава семьи не должен. Воспитание дочерей должно быть принципиальным, но нежным.

Отсылать учиться за границу — преступление

Отец: Сегодня воспитание, лишенное твердых основ, превращается в хаос и грозит сделать из общества стадо, требующее хлеба и зрелищ. Человек, лишенный родительской ласки, воспитания в школе, знания истории своего народа, понимания собственного места в мире, становится изгоем. Думаю, обречены стать изгоями дети новорусских, которых родители отсылают учиться в другие страны. Это преступление. Они, чужие за границей, чувствуют свою ущербную одиночество. Возвращаются обратно. Но это становится возвращением в чужую среду, которая так непохожа на ту, где они учились. И они опять невольно чувствуют себя чужими...

Страшно, если дети унижены. И так же плохо, если они избалованы. Мои дети учились в простой советской школе. Душа и воспитание ребенка не зависят, в какой школе он учится: в простой или элитарной... Когда я учился в художественной школе, мы были далеки от матерного языка. Мы любили Рафаэля. А до этого я в деревне учился. Ходил пахать землю со старшими крестьянами. Полоть картошку. Бить лен. Был пахучком. Во время войны я два года прожил в эвакуации в новгородской деревне... Дети все очень добрые. Но ес-

Ваня родился, когда его отцу, знаменитому художнику Глазунову, было 40 лет. В 43 года у Ильи Сергеевича и 37-летней Нины Александровны Виноградовой-Бенуа появился второй ребенок — дочь Вера... Художник гордится своими корнями. Он потомственный дворянин. Его дедушка отвечал за ввоз золота в Россию, а прадед растил императора Александра II. Как воспитывать детей "по-русски"? Рассказывает отец Илья Сергеевич Глазунов. Сын, 33-летний живописец, вспоминает подробности.

ИДЕАЛЬНЫЙ ОТЕЦ

ли с ними обращаться не по-доброму, они могут стать необратимо плохими.

Сын: После 3-го класса меня привели в художественную школу. Некоторые учителя, зная, кто мой отец, относились ко мне предвзято. Учился я иногда очень плохо. Не потому, что не способный, а потому что черта характера такая была. Если себя любить, то это можно красиво "созерцательностью" назвать. А вообще это — лень. Когда просто сидишь — перед тобой картинка какие-то проходят — и думаешь: химия тебе не нужна и учить ее не буду. А, наверное, все-таки немножко надо. Мама с папой могли отругать (дневник то надо было показывать), на родительские собрания ходили... Но они тоже чувствовали какое-то не совсем здоровое отношение ко мне в школе и пытались увещевать меня, что надо учиться. Надо много трудиться, чтобы победить и стать художником.

Родители — это не Витя и Маша

Отец: Я сам слышал и удивился, как некие сын и дочь называли своих родителей не папой и мамой, а Витей и Машей. Это извращение. Возмутительно, когда размываются границы "родители—дети". Наибольшее таинство — отец и мать, и их дитя. Отец дает внутреннюю силу. "Мать" и "отец" — это святые понятия. (Когда Ване было 16, Вере 13, их мамы, Нины Александровны, не стало. — Е. Д.) В Евангелии говорится: "Чти отца и мать свою". Сегодня, как и в XIX веке, много спекуляций вокруг понятия "отцы и дети". Есть проблема времени, перед которой меркнет проблема отцов и детей. Желание противопоставить родителей детям есть сатанинское мероприятие, которое имеет те же корни, что и возбуждение классовой ненависти. Самое страшное преступление — предать отца. К счастью, Павлика Морозова, исполняя социальный заказ партии, сочинили. А сколько вреда нанес этот вымышленный образ предателя-сына, которому ставили памятники по всей стране!.. История — не борьба классов, как это выдумал Маркс. История есть борьба рас, народов, религий.

Я с болью смотрю по телевизору, как в присутствии радостных родителей пятилетние дети с накрашенными губками танцуют танго любви —

Семья Глазуновых.

МАРИО САРРИЕН

Илья ГЛАЗУНОВ: "Пятилетние дети не должны танцевать эротические танцы"

изображают взрослых, как маленькие обезьянки. Это растление детей, как продажа наркотиков и порножурналов школьникам. За это виноватых надо карать.

Сын: У нас материальных вопросов при детях не поднимали. Когда мы учились в школе, мама, как все родители, давала нам на завтрак рубль двадцать. Нас учили самостоятельности не так: бросили в воду — плыви. А скорее, в воду-то бросили, но при этом были рядом, чтобы мы не утонули.

Две дороги в бессмертие

Отец: У художника есть две дороги в бессмертие. Первая — в творчестве. Вторая, как у всех людей, — в детях. Когда мне задают вопрос: "Есть ли что-то, в чем вы раскаиваетесь? Не хотели бы, чтобы это было с вашими детьми, а это все-таки было?" — я отвечаю: конечно, есть вещи, которые я бы не хотел, чтобы с ними происходили. Но если они происходят, то не по моей воле. Многие говорят, что я — идеальный отец.

Иван закончил Суриковский институт. Он самый молодой член-корреспондент Академии художеств, возглавляет кафедру религиозно-исторического живописи в Российской академии живописи, ваяния и зодчества. Считаю, Иван имеет все данные быть великим русским художником. В 24

года он написал картину "Распни его!": пять метров, Христос и Понтий Пилат. Так еще никто не писал. Вера успешно окончила ту же академию. У нее хорошая дипломная работа... Если кто-то думает, что я обладаю колоссальным опытом воспитания, то скажу: я обладаю колоссальной любовью и ненавистью. Ненавижу зло и люблю добро.

Сын: Благодарен родителям за все: что дали жизнь, выучили... О детстве — только счастливые воспоминания. Никаких ссор между родителями не помню. Мы с Верой никогда не делили ни папу, ни маму. Я всегда, когда было сложно принять решение, спрашивал у родителей, как и что мне делать. И сейчас видимся с отцом часто.

Отец: Воспитание — это не только научить читать и писать, или научить работать, или как себя вести, но и не менее важно дать человеку почувствовать: кто он и для чего живет!.. У многих народов национальность дает мать, потому что важно "поле", куда попадает семя. У русских важно семя. Испокон веков только у русских есть отчество: Алеша Попович, Александр Сергеевич Пушкин, Федор Михайлович Достоевский... И когда седого человека вдруг представляют на ТВ: Сергей Ива-

нов или Николай Курочкин — это грубейшее несоответствие нашим традициям. Нужен ли нам этот колониальный американизм?..

Сегодня русский народ — в трагическом положении. Понятие "отчество" ликвидируется вместе с отчеством. Очень важно, от чьего имени и во имя какого народа будут говорить будущие граждане России. Каждый день все дальше уносит нас от благословенной страны России, которой она была до революции. До 17-го года наша страна была самой богатой, многолюдной и привлекательной. Наши дети должны знать историю России.

Бывает духовное влияние одной национальности на другую. Однако армянин отличается и должен отличаться от грека. Еврей — от француза. Турок — от русского. Расовое смешение — это большой грех. Тема гибридности, с моей точки зрения, всегда рискованна и в растительном, и в животном мире. Спарить коша с пантерой, носоро-

га с бегемотом — это рискованные эксперименты. Есть анекдот, как умер Мичурин: залез на выросшую клубнику, высотой с трехэтажный дом, поскользнулся, упал и разбился вдребезги...

Если, допустим, ребенок — полуполонец-полурусский, вопрос "Традиции какой национальности ему беречь?" решается его собственным чувством. Я всегда утверждаю: русский — тот, кто любит Россию. В России жили Растрелли, Бенуа, Рерих. Они считали себя русскими. Это очень важно, кем ты сам себя чувствуешь. Сейчас у нас всех называют "россияне". Это вымышленная нация. При мне друг возмущенно кричал: "Какой я россиянин?! Я грузин". Другой вторил: "А я татарин — что мне навязывают это... "россиянин"!?" И у большинства, кроме русских, в паспорте есть особый вкладыш: "Национальность".

Воспитание детей — это ответственность за будущее. С великой скорбью смотрел по телевизору, как два русских мальчика, два солдата, молились на мусульманском коврик... Изменять веру отцов — предательство... Будучи русским, я горжусь за еврейский народ, который через два тысячелетия принес мечту о своем государстве и мертвый язык — иврит — сделал живым. У нас же, в России, все наоборот. 25 миллионов русских рассеяны в тех республиках, многие из которых мы учили сойти с дерева и... не кушать мыло. Они учились в наших вузах, а наши дети не могли поступить на эти места. Теперь в бывших "братских республиках" запрещают говорить по-русски... Александр III, один из моих любимых государей, сказал: у России два союзника — ее армия и флот. Флот у нас пилится на металлолом, а над армией издеваются и вводят некую альтернативную службу... Разве это патристическое воспитание для молодежи?! Я убежден, что каждый гражданин обязан пройти воинскую службу.

Сын: У нас в детстве были беседы "о корнях". Знать дедушек, бабушек и более дальних предков — очень важно. Щемит сердце, когда отец показывает блокадную квартиру в Петербурге или окна, в которые они смотрели с мамой на Ботанический сад почти полвека назад... Сейчас отец автобиографическую книгу пишет: "Россия распятая".

Что-то дает прочитать вслух при нем. Там много свидетельств его трудной жизни.

Счастлив, что Ваня с Верой — православные

Отец: Я горжусь, что мои дети стали художниками. Верят в Бога, ходят в храм. Мама их водила в церковь на улицу Неждановой, как только научилась ходить. Меня спрашивают: "Вы не допускаете, что ваши дети могут перестать быть верующими?" Отвечаю: "Допускаю. Но тогда уже они не будут мои дети. И не будут теми, кто есть".

Во многом моих детей воспитывали выставки, на которые они ходили. Они видели мои картины, картины своей матери, которая из рода архитекторов и художников Бенуа. Они с детства видели иконы, которые мы спасали из огня... Я с детства знал, что верующий, что православный, что монархист, задача которого помогать людям. "Возлюби ближнего как самого себя". Этому моя жена и я учили своих детей: "Любите Бога, любите отечество". Так меня воспитали отец и мать. Они умерли в блокаду, когда было мне 11 лет... В 57-м году, когда я был студентом, открылась моя первая выставка, о которой писали все газеты мира. После нее я три года работал грузчиком...

Сын: Я помню нашу квартиру, хотя и смутно, еще с голыми стенами, с раскладушкой. Мне кажется, родителей тогда влекла только красота тех вещей, которые вторили их внутреннему миру, а не бытовое благосостояние. На голом окне могла появиться петербургская ампириная лампа, а на пустой стене — спасенная из какого-нибудь коровника под Переславлем-Залесским, еще не отреставрированная икона... Когда мы возвращались с уроков домой, попадали в другой мир. Там — блочная школа, портрет Ленина, октябрьята, а тут — храмы, картины, иконы... В октябрята приняли. И комсомольцем я был. В школе нам сказали: кто в комсомольцы в этом году не вступит — выгоним. Я подумал: в комсомол вступить — это же значит с себя крест сорвать и поклониться идолищу. Серьезно я в этом не участвовал. Значок на меня нацепили, галстук повязали — ну зачем выделяться? Я был далек от этого.

Внутренний голос

Отец: В каждом ребенке есть врожденный голос того, что он должен и что он не должен делать. Этот голос может помочь юному человеку вынырнуть из страшной среды, бороться с ней и оказывать на поверхность жизни — как Нечко Незвановой у Достоевского или героям Диккенса. Я считаю, что бытие не определяет сознание. Но бытие может искалечить сознание. Голос совести может быть затоплен алкоголем, пропагандой телевидения, той массовой культурой, которая уничтожает все на своем пути, оставляя пустыни и землю, закатанную в асфальт... Если доведено до того, что отец и мать спиваются, потому что им платят зарплату водкой, то дети часто становятся бесхозными. Лишь немногие из них преодолевают скверну. У меня есть картина: асфальт — и вдруг он разрывается, и из него прорастает цветок...

Сын: В детстве бабушка читала мне вслух. Мама рассказывала сказки, которые сочиняла для меня. В четыре года я хотел быть пожарным... Навсегда в родительском доме для меня будут невыразимо, томительно близки: запах масляных красок и бутылоч с лаком, лики икон в косых пыльных лучах света в мастерской отца, долгие синие сумерки в окнах, полуприкрытых по-петербургски ампириными занавесками... В этом мире моих родителей я вырос, полюбил все то, что они научили меня любить и что сейчас так волнует и мучает меня. Мне кажется, я довольно закрытый человек и не всегда могу в полной мере выразить любовь к ближнему, даже если хочется...

Елена ДОБРЮХА.